

Г-КР
35

ТРУДЫ
ПЕРМСКОЙ
Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

VII.

(Изданъ 13 Апрѣля 1904 г.)

П Е Р М Ъ .
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1 9 0 4 .

Билимбаевское двухклассное приходское училище въ 1854-1860 г.г.

(Ланкастерская система взаимобученія*) по личнымъ воспоминаніямъ).

Учителями I класса были въ означенный въ заголовкѣ періодъ Захаръ Васильевичъ Кольцевъ, преподававшій всѣ предметы. Послѣ него одновременно двое: Александръ Федоровичъ Крюковъ—по ариѳметикѣ и Гордѣй Михайловичъ Швецовъ—по чтенію и письму. Кажется, съ 1858 г. преподаваніе ариѳметики и чтенія снова возложено на одно лицо—Дмитрія Ивановича Юганова.

Учителями II класса были: до 1856 года Апполинарій Степановичъ Лыхинъ, а потомъ З. В. Кольцовъ, переведенный изъ I класса, по сдачѣ экзамена на званіе учителя и зачисленный въ коронную службу въ 1862 г., т. е. вскорѣ по освобожденіи крѣпостныхъ.

Законоучителями, преподававшими одновременно въ I и во II классахъ, были до 1859 г. о. Григорій Троицкій, а потомъ о. Андроникъ Ляпустинъ.

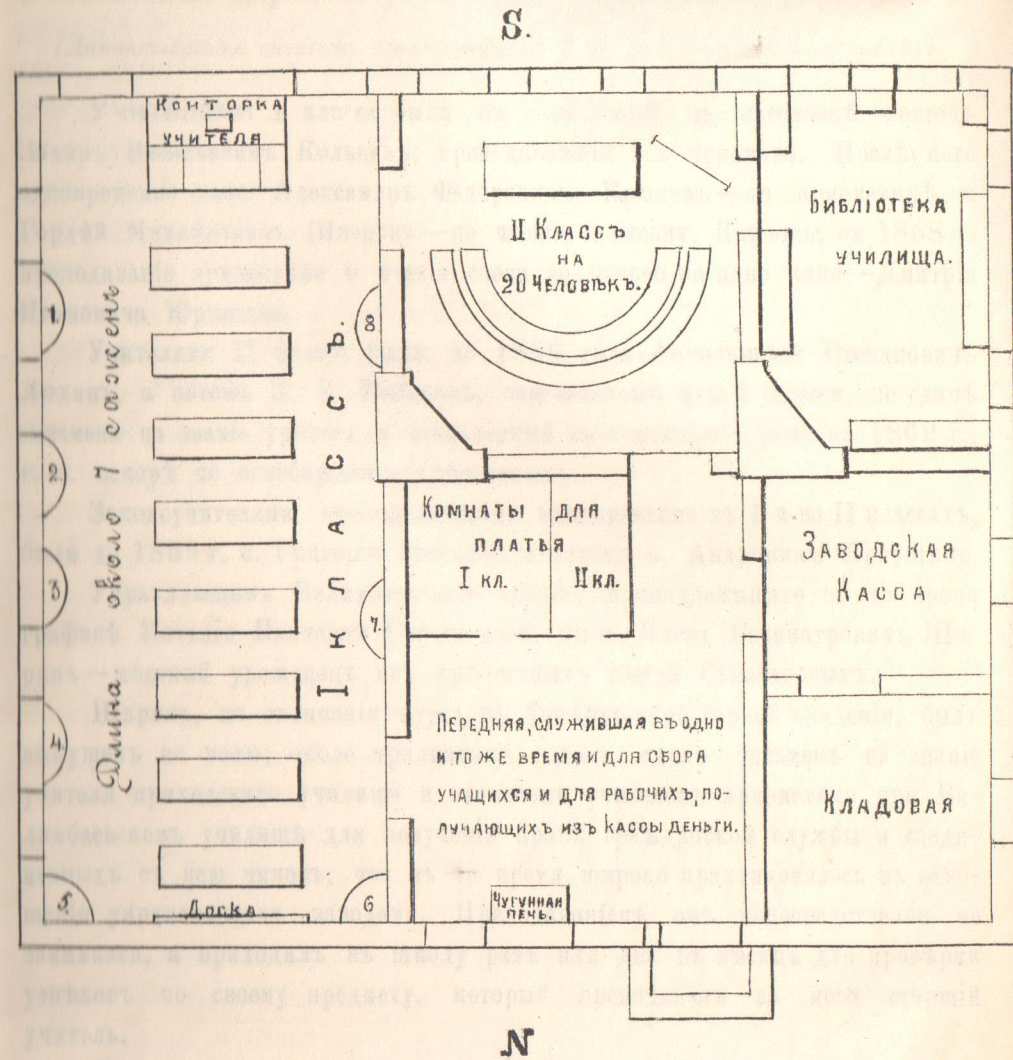
Управляющимъ Билимбаевского завода, принадлежащаго въ то время графинѣ Наталіи Павловнѣ Строгановой, былъ Петръ Сосипатровичъ Шаринъ—мѣстный уроженецъ изъ крѣпостныхъ людей Строгановыхъ.

Шаринъ, по окончаніи курса въ Фрейбургской горной академіи, былъ выпущенъ на волю; около тридцатыхъ годовъ сдалъ экзаменъ на званіе учителя приходскаго училища и зачисленъ учителемъ ариѳметики при Билимбаевскомъ училищѣ для полученія правъ гражданской службы и соединенныхъ съ нею чиновъ, что въ то время широко практиковалось въ отношеніи управляющихъ заводами. Преподаваніемъ онъ непосредственно не занимался, а приходилъ въ школу разъ или два въ мѣсяцъ для провѣрки успѣховъ по своему предмету, который преподавалъ за него старшій учитель.

Училище помѣщалось въ нижнемъ этажѣ Билимбаевского Окружнаго Правленія (заводской конторы); въ томъ же этажѣ находилась и касса Правленія, у которой обыкновенно толпились мастеровые всѣхъ половъ и возрастовъ въ ожиданіи полученія денегъ. Въ передней, которая въ то же

*) Докладъ, проч. въ засѣд. Перм. Учен. Архив. Комис. 1903 г.

Приблизительный планъ Билимбаевского училища.

время была и ученической сборной, деревенскіе углевозы, рудовозы, дрововозы и пр. располагались какъ дома; одни спали, другіе закусывали, что Богъ послалъ, третьи тихо между собою бесѣдовали. Замѣчательно то, что, не смотря иногда на большое скопленіе народа, тишина не нарушалась; пьяныхъ между рабочими совѣсьмъ не было.

Въ исключительномъ распоряженіи училища были три комнаты—первый и второй классы и библиотека, общая для всего завода. Зала для чтенія при ней не было, но книги и газеты выдавались въ ней безпрепятственно всѣмъ желающимъ. Насколько помнится въ 1858 году выписывалось изъ газетъ „Московскія вѣдомости“, „Сынъ отечества“, изъ журналовъ—иллюстрація Искра, Русскій Вѣстникъ, Современникъ, и еще что-то. Имѣлись всѣ русскіе классики съ Пушкинымъ во главѣ. Исторія Карамзина и многіе другіе.

Величина I класса, рассчитаннаго на 80 человѣкъ, была въ длину около 7 саж., въ ширину около 4 саж. и въ высоту около 5 арш. Окно выходило на востокъ четыре и на югъ два—размѣрами около 12×7 четвертей. Въ дѣйствительности число учащихся въ первомъ классѣ одновременно достигало иногда до 100 человѣкъ.

У южной стѣны, какъ видно это изъ плана, стояла учительская конторка съ косою (наклонной) доской и съ тумбами по бокамъ. Кафедра эта располагалась на площадкѣ высотой въ двѣ ступени, такъ что съ нея хорошо было видно всѣхъ учащихся. Передъ конторкой или кафедрой по срединѣ комнаты одинъ за другимъ выстроены въ правильный четырехугольникъ однообразные, за исключеніемъ одного перваго, столы на десять человѣкъ каждый, на которые однако-же въ случаѣ нужды могло помѣститься и до 15 человѣкъ.

Столовъ было восемь и они назывались классами. При каждомъ изъ нихъ, на деревянныхъ стержняхъ длиной въ сажень, имѣлись желѣзные планки съ надписью, на одной сторонѣ классъ такой-то—„Письмо“, а на другой „классъ такой-то“—„Ариметика“. Значки могли поворачиваться, обозначая занятія учащихся. Такъ, на примѣръ, когда занимались арифметикой, то значки съ этимъ обозначеніемъ обращались къ учительской конторкѣ.

Первый столъ, предназначаемый для начальныхъ письменныхъ упражненій на песокъ, имѣлъ для этого соответствовавшія особенности. Рассчитанный то же на 10—12 человѣкъ, какъ и остальные, онъ былъ со столешницей не наклонной, какъ другія, а горизонтальной, ограниченной бор-

тами и представлявшей изъ себя подобіе плоскаго, мелкаго лщика. На площадку эту насыпался мелкій желтый (горный) песокъ, на которомъ желѣзными палочками (бороздилками), имѣющими видъ шпатель [шпатель], можно было легко выводить или гравировать буквы или цифры. Для заравниванія песка и обозначенія графокъ была приспособлена особая доска, которая насыпалась шабаркалкой.

Слѣдующіе столы до пятаго включительно были обыкновенными школьными партами, но для упражненія въ письмѣ на нихъ употреблялась не бумага и не грифельныя доски, а доски деревянные длиною вершковъ 6—7 и шириною вершка 4. Они выкрашены были черной краской съ графами трехлинейными и затѣмъ наклонными косыми. Послѣднія показывали, въ какомъ положеніи должны были стоять буквы, т. е. какой наклонъ онѣ должны были имѣть. Трехстрочныя графки и косыя наведены были на черныхъ доскахъ красной масляной краской. Писали на этихъ доскахъ растворомъ мѣла съ помощью гусиныхъ перьевъ. Въ каждой изъ партъ было просверлено по четыре круглыхъ дыры; въ эти гнѣздышки вставлялись чугуны чернильницы въ видѣ усѣченныхъ конусовъ. Мѣловой растворъ, который наливался въ нихъ и которымъ писали, назывался *бѣлыми чернилами*.

На шестомъ столѣ уже писали на грифельныхъ доскахъ, а на седьмомъ и восьмомъ — на бумагѣ.

За столами производились только письменныя работы, а обученіе чтенію, цифрамъ и счисленію велось въ полукружійяхъ, изъ которыхъ каждое соответствовало своему столу, т. е. столъ или классъ, перемѣщаясь въ полукружія для словесныхъ занятій, не мѣнялся въ своемъ составѣ.

Въ простѣнкахъ, какъ это показано на планѣ, развѣшивались таблицы, смотря по преподаваемому предмету или для чтенія, или же для ариометики. Что это были за таблицы, видно будетъ изъ послѣдующаго.

Для наблюденія за порядкомъ и для обученія по классамъ или столамъ изъ учениковъ высшихъ столовъ, начиная съ пятаго, избирались учителями преподавателями для первыхъ столовъ. Такъ, напримѣръ, пятиклассникъ, попросту, сидяцій за пятымъ столомъ, могъ быть удостоенъ назначенія состоять старшимъ, т. е. то же что преподавателемъ, на столахъ первомъ или второмъ. Шестиклассникъ могъ преподавать на второмъ и третьемъ и т. д. Конечно, старшіе назначались учителями изъ лучшихъ учениковъ по успѣхамъ и благонавію. Надъ этими старшими въ первомъ классѣ были еще такъ называемые надзиратели изъ учениковъ послѣдняго

стола (8-го). Ихъ было трое: надзиратель порядка, надзиратель чтенія и надзиратель письма. Для надзирателей, для старшихъ учениковъ, ведущихъ преподаваніе, и для первыхъ каждаго стола или, что тоже, класса были установлены особыя значки. Это желѣзныя пластинки $3 \times 1\frac{1}{2}$ вершка на которыхъ четко печатнымъ шрифтомъ выписано было соответствующее званіе. Напримѣръ, „надзиратель порядка“, или „Надзиратель чтенія“, или „Старшій 1-го стола“, или „Первый ученикъ 1-го стола“ и т. д. Такія пластинки, называемыя ярлыками, удостоенный извѣстнаго званія ученикъ носилъ на груди, на цвѣтномъ, по большей части красномъ, гайтанѣ. Посвященіе во все означенныя званія производилось учителемъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Въ такихъ случаяхъ учитель громогласно вызывалъ ученика къ кафедрѣ и здѣсь предъ лицомъ всего класса самолично надѣвалъ на него заслуженный знакъ отличія.

Въ *pendent* къ этимъ поощрительнымъ выраженіямъ заслугъ были и знаки съ порицаніями. Такъ, напр., имѣлись большія желтыя кардонки съ надписями: „шалунъ“, „грубіянь“, „оселъ“ и все въ этомъ родѣ. Эти титулы точно также носились на груди и надѣвались учителемъ съ приличнымъ случаю внушеніемъ. Впрочемъ къ такимъ нѣжнымъ мѣрамъ наказанія прибѣгали въ рѣдкихъ случаяхъ, гораздо чаще практиковались розги. Сѣкли довольно часто. Не проходило мѣсяца, чтобъ кто либо не подвергся такой экзекуціи. Существовало даже убѣжденіе, что безъ порки выучиться невозможно.

Особыхъ учебниковъ не было, а существовали таблицы, составленныя примѣнительно къ системѣ Ланкастера.

Надо замѣтить, что дѣтей приводили въ школу не имѣющихъ никакого понятія ни о буквахъ, ни о цифрахъ и затѣмъ особаго времени для пріема, какъ это дѣлается во всехъ школахъ теперь, тогда опредѣлено не было, а ученики поступали, кто когда хотѣлъ. Поэтому первый столъ всегда обновлялся и ученики, постепенно передвигаясь, тѣснили ранѣе поступившихъ впередъ на послѣдующіе столы. Кандидатомъ къ переходу на слѣдующій являлся, конечно, первый ученикъ, и поэтому сдѣлаться имъ было весьма важно. Перемѣщеніе совершалось иногда и не въ очередь болѣе способные обгоняли своихъ менѣе способныхъ товарищей и случалось оставляли ихъ далеко позади.

Такимъ образомъ, на первомъ столѣ постоянно являлись новички и, стало быть, преподаваніе должно было быть къ этому приурочено, что дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ. На первомъ столѣ круглый годъ

преподавалось одно и то же, что, впрочем, уместно сказать и о столахъ послѣдующихъ, развѣ за исключеніемъ 6, 7, 8, на которыхъ программа преподаванія болѣе приспособлялась къ познаніямъ учащихся и поэтому подвергалась нѣкоторымъ колебаніямъ.

Прежде всего по вышнему виду таблицы для первыхъ четырехъ столовъ были одинаковы, величиною онѣ были въ четверть газетнаго листа наклеенныя на прочномъ картонѣ съ петелькою изъ шнура для подвѣски на крюкъ. Съ четвертаго стола таблицы заключали въ себѣ крупно напечатанное Евангеліе и посланія Апостоловъ и величиною были въ поллиста газетной же бумаги.

Первая таблица перваго стола заключала въ себѣ кромѣ алфавита печатныхъ буквъ, прописныхъ и малыхъ еще слоги изъ двухъ и трехъ буквъ въ сочетаніяхъ сначала гласной буквы съ согласной, а затѣмъ въ обратномъ порядкѣ. Такъ напримѣръ, аб, ав, аг, ад, ев, ег, еж, иб, ив, иг, иж и т. д. Потомъ: ба, ва, га, да, жа... Во второй таблицѣ одногласные и двузвучные слоги соединялись въ слова: И-ва, ѣ-ли, я-ма, я-ша. Далѣе въ третьей таблицѣ были двусложныя: Ма-ма, Са-ша, Да-ша. Далѣе такія же сочетанія съ переносомъ ударенія на второй слогъ: зи-ма́, се-ло́, му-ка́, ку-да́. Потомъ трехзвучныя слова: дом, ком, кол, сон, пал, мал.

Изъ таблицъ 2-го полукружія одна только хорошо врѣзалась мнѣ въ памяти, она заключала въ себѣ наборъ словъ безъ всякаго внутренняго порядка, тѣмъ неменѣе я помню её лучше другихъ. Въ первомъ столбцѣ, которыхъ было въ таблицѣ четыре, значилось: об-ла-ко, за́-ре-во, ѣ-ха-ли, ви-дѣ-ли. Въ этомъ родѣ таблицъ, на второмъ столѣ было три или четыре. Иногда для повторенія пройденнаго сюда передавались таблицы перваго стола.

На третьемъ столѣ ни одной таблицы не помню, знаю только, что въ нихъ были очень длинныя слова въ 4—5 и болѣе слоговъ, и при томъ для учащихся мало или совсѣмъ непонятныя, напр., чудодѣйственный, благодѣнный и т. п.

Таблицы для слѣдующихъ трехъ столовъ были одинаковаго вида, а именно, какъ сказано выше, онѣ величиною были въ половину листа газетной бумаги, наклеенной на картонъ; текстъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ въ четыре столбца, былъ заимствованъ для 4-го и 5 столовъ изъ дѣяній Апостольскихъ, а для 6 изъ Евангелія.

Для 7 и 8 столовъ, ученики которыхъ разъ въ два года переводились во второе отдѣленіе училища, или во-второй классъ, въ собственномъ

смыслѣ слова, были уже по таблицы, а книги для чтенія давались для другого полукружія общія. Въ двухлѣтній курсъ прочитывались слѣдующія книги: „училище благочестія“, „молитва христіанина“ и „четыре ветхозавѣтныя исторіи съ картинками“. Если этихъ книгъ не хватало, то ихъ перечитывали снова. Для въкласснаго чтенія книжки выдавались рѣдко, изъ нихъ я помню слѣдующія: „Православіе, самодержавіе, народность“, „о Петрѣ Великомъ“, „о томъ, какъ солдатъ Ивашка спасъ Петра Великаго“, „о Суворовѣ“, „Балакиревъ“, „Сельская бесѣда“, „Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и съромѣ волкѣ“, „Три мушкетера“, Рукопись „послѣднія слова въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича“, „Путешествіе во святую землю“, „Сердце человѣческое, оскверненное грѣхами и очищенное покаяніемъ“, „Иерусалимская молитва“. „Инструкція г. Бергъ—Инспектору Хребта Уральскаго“. Журналъ „Маякъ“. „Черная женщина“ (кажется) Греча. „Солдатъ Яшка—красная рубашка синія ластовицы“, „Бомбардировка Севастополя“.

Арифметика преподавалась двоякимъ способомъ: первый состоялъ въ томъ, что ученики учились считать на щѣтахъ, а второй—счисленіе или нумерація изучалась по таблицамъ. Для упражненія на счетахъ въ теченіе учебнаго года отводилось мѣсяца два, остальное время учились по таблицамъ. По арифметикѣ полагалось по одной таблицѣ на каждое полукружіе до 5-го включительно. Въ таблицѣ 1-го полукружія были напечатаны цифры отъ 1-го до 10 крупнымъ шрифтомъ, а затѣмъ менѣе крупнымъ отъ 10 до 100.

Таблица 2-го полукружія заключала въ себѣ трехъ и четырехзначныя. Третьему полукружію отводились 5-ти и 7 значныя цифры. Въ четвертомъ нумерація проходила выше милліоновъ; полагалось знать билліоны, трилліоны и квадральоны; въ пятомъ и шестомъ упражнялись изустно въ сложеніи и вычитаніи, а седьмое и восьмое полукружія учили таблицу умноженія и занимались умственными счисленіями на умноженіе и дѣленіе.

Упражненіе на щетахъ велось по полукружіямъ въ томъ-же объемѣ, который опредѣлялся таблицами, съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ цифры читали, во-второмъ ихъ изображали на щетахъ.

На каждое полукружіе полагалось по два „старшихъ“, одинъ изъ нихъ по чтенію, а другой по арифметикѣ, тѣ-же „старшіе“ вели преподаваніе и за столами при письменныхъ работахъ. Для указанія на таблицахъ въ полукружіяхъ имѣлись деревянные, окрашенныя въ черную краску палочки—указки, которыми были вооружены „старшіе“. Указки эти

были длиною около аршина и толщиной у рукоятки около полвершка; кроме своего прямого назначенія онѣ употреблялись и для другихъ цѣлей, напр., для усмиренія непокорныхъ. Чаще всего доставалось отъ нихъ рукамъ. Полагалось держать руки по швамъ, а какъ только ученикъ забывалъ это правило и высовывалъ ихъ впередъ, такъ старшій тотчасъ-же ударялъ по нимъ указкой, иногда довольно больно.

Преподаваніе у таблицъ велось нараспѣвъ. Что и какъ тянуть начинающимъ показывали старшіе; ученики усваивали, запоминали и старались подражать, а затѣмъ голосили уже самостоятельно, выпѣвая то, что указывалось старшимъ. Напр., въ первомъ полукружїи старшій, указывая на единицу пѣлъ: одна еди-ни-ца со-сто-итъ изъ одной е-ди-ни-цы. Начинающій повторялъ это за преподавателемъ. Или такъ: двад-цать пять е-ди-ницъ со-сто-ятъ изъ двухъ де-сят-ковъ и пяти е-ди-ницъ.

При занятїяхъ на щетахъ, пѣли такимъ образомъ: од-на и од-на состав-ля-ютъ двѣ. Двѣ и од-на состав-ля-ютъ три и т. д. При занятїяхъ въ полукружїяхъ всегда было очень шумно, а особенно въ часы чтенія, что весьма понятно. Въ одномъ мѣстѣ пость об-ла-ко, за-ре-во, въ другомъ — Я-ша, Ма-ша, въ третьемъ бла-го-дѣ-пі-е, страсто-терп-ство и т. д., и все заразъ. Учитель во время этихъ занятїй обыкновенно чинилъ гусинья перья, сидя за своей конторкой и подготавливая такимъ образомъ къ классу письма. Онъ исключительно этимъ только и проявлялъ свою дѣятельность; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ прослушаетъ кого-либо изъ учениковъ. Въ свободное отъ очинки перьевъ время посвящалось имъ чтенію книгъ и газетъ. Вообще обязанность учителя сводилась къ высиживанію часовъ и казалось легкой.

Ученіе велось за два приѣма, утромъ — съ 8 до 11 и послѣ обѣда съ 1 до 4; всего полагалось занятїй шесть часовъ въ сутки, за исключеніемъ среды и субботы, въ которые послѣ обѣда учебныхъ занятїй не было, но собирались для обученія маршировкѣ подъ руководствомъ отвѣтсвеннаго унтера.

Въ воскресенье и праздничные дни всѣ ученики обязаны были приходить къ заутрени, а оттуда, по окончанїи службы въ школу, гдѣ читались Евангелїе или же исторїя праздника съ надлежащими объясненїями. Учебные часы слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первыя три четверти часа посвящались чтенію у таблицъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ въ отдѣльности для каждаго класса, образующаго около нихъ полукружїя. Вторыя три четверти безъ перерыва занимались письмомъ за партами. Затѣмъ доу-

скалась на 10 минутъ перемѣна, послѣ которой снова становились въ полукружїя по уроку ариметики. Последнїя 40 минутъ занимались письмомъ цифръ за партами. Последній часъ три раза въ недѣлю посвящался Закону Божїю. Приходя въ школу ученики въ ожиданїи урока сидѣли въ корридорѣ.

Все сказанное относится къ ученикамъ перваго отдѣленїя, что же касается втораго класса, то о немъ рѣчь впереди; онъ имѣлъ свои порядки совершенно отличные отъ первоклассныхъ.

По наступленїи времени, т. е. утромъ въ 8 часовъ, а послѣ обѣда въ часъ, ученики подъ команду „Надзирателя порядка“ — смирно! стройся! становились одинъ возлѣ другого, группируясь по столамъ. Впереди ближе къ выходу въ классную комнату находился первый столъ, за нимъ второй и т. д. до 8 включительно. Затѣмъ раздавалась новая команда: „направо, шагомъ маршъ“! Классныя двери открывались и ученики веревочкой вступали въ классную комнату, направляясь за парты, каждый за свою. Здѣсь снова раздавалась команда: во фронтъ! къ молитвѣ! По прочтенїи молитвы, что лежало на обязанности „надзирателя порядка“, т. е. старшаго ученика во всемъ классѣ, команда продолжалась.

„Старшіе“! по мѣстамъ! Старшіе становились каждый у своего класса. Первая половина налево! вторая половина направо, маршъ! Стройся! Начинай“! Такимъ образомъ начинался учебный день.

Спустя три четверти часа „надзиратель порядка“ становился на свое обычное мѣсто у учительской конторки и громогласно нараспѣвъ выкрикивалъ команду. „Смирно! во-фронтъ! первая половина налево, вторая половина направо за столы маршъ. Разъ, два! разъ два. Ученики, маршируя въ шагъ, заходили за парты — каждое полукружїе за свою. „Во фронтъ! садись! начинай“!

Послѣ крика при занятїяхъ у таблицъ классъ погружался при письмѣ въ тишину, перерываемую отдѣльными возгласами старшаго перваго стола и нѣкоторыхъ неугомонныхъ учениковъ, требовавшихъ чернилъ. „Дежурный! черниль бѣ-лыхъ“! пѣлъ кто-нибудь изъ нихъ, скорѣе для развлеченія, чѣмъ по дѣйствительной надобности, хотя надо прибавить, что мѣлового раствора, который назывался „бѣлыми чернилами“, требовалось немало; онъ и высыхалъ, и при письмѣ на деревянныхъ доскахъ издерживался весьма скоро.

Возгласы „старшаго“ на первомъ столѣ зависѣли отъ слѣдующаго. Какъ уже было сказано, для утихомиренія въ письмѣ, на первомъ столѣ

употреблялся мелкій горный песокъ. Образцомъ для письма служили буквы въ алфавитномъ порядкѣ. На картонкахъ величиною въ четверть листа писчей бумаги были четко написаны буквы попарно — заглавныя и малыя. Старшій всякій разъ, давая букву, которая на особой державкѣ стояла передъ столомъ и была видна всѣмъ за нимъ сидящимъ, громко провозгласилъ ея названіе, показывалъ ея начертаніе, и по обыкновенію нараспѣвъ выкрикивалъ: „Пишите букву А и смотрите на почеркъ“. Распѣвая это, старшій водилъ по образцу деревянной указкой, показывая гдѣ буква начинается и гдѣ оканчивается. Ученики смотря на это, копировали своего учителя, выгравировывая на доскѣ ту или другую букву. Подобнымъ же образомъ на первомъ столѣ преподавалось и письмо цифръ.

Вообще же письменныя занятія до нѣкоторой степени соответствовали программѣ словесныхъ упражненій въ полукружіяхъ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ первымъ тремъ столамъ, это правило было вполне приложимо, а именно, то что изучалось въ полукружіяхъ, то писалось на доскахъ за партами. Начиная съ 4-го стола до 6-го писали прописи, на 7 и 8 столахъ тѣ же прописи, только не на деревянныхъ доскахъ, а на бумагѣ, т. е. обыкновеннымъ способомъ.

Во время письменныхъ упражненій по ариметикѣ на послѣднихъ двухъ столахъ дѣлали задачи по задачнику, кажется, Буссе, ариметика котораго была принята за руководство. Ариметическія правила задавались на домъ и заучивались на — зубокъ. Долѣ всего останавливались на правилѣ умноженія многозначнаго числа на многозначное. Это правило какъ-то не укладывалось въ ученическія головы, и многіе, дѣлая умноженія безошибочно, правила этого сказать все-таки не могли.

Изъ Закона Божія въ первомъ классѣ кромѣ Символа вѣры и молитвъ полагалось пройти ветхозавѣтную исторію и катехизисъ по начаткамъ.

Нѣкоторые засиживались въ первомъ классѣ болѣе 5 лѣтъ; вообще же изъ 100 человѣкъ первоклассниковъ во второй классъ переводилось въ два года одинъ разъ не болѣе 20 человѣкъ.

Во второмъ классѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, велось порядкомъ нѣсколько похожимъ на существовавшій въ первомъ классѣ. Взаимообученіе было и здѣсь, хотя и въ иной формѣ. Одинъ изъ лучшихъ учениковъ для пользы дѣла задерживался въ классѣ на лишніе два года и велъ дѣло въ то время, когда учитель сидѣлъ за газетой или ходилъ въ бібліотеку курить и болтать съ посѣтителями. Рѣдкіе набѣги учителя ариметики — Управляющаго заводомъ — вносили въ

школу нѣкоторый лучъ свѣта, во все же прочее время учились самоучкомъ. Старшій ученикъ, онъ же аудиторъ, велъ такъ называемую потату и имѣлъ поэтому самому всѣ атрибуты учителя. Наказывать лично онъ хотя и не могъ, но его заявленіе о томъ учителю всегда выполнялось неукоснительно.

Программа, которой держались во II классѣ, была слѣдующая: по Закону Божію — исторія Новаго Завѣта по Соколову или Рудакову и катехизисъ Филарета. По ариметикѣ — четыре дѣйствія надъ простыми и именованными числами, всѣ дѣйствія надъ дробями простыми и десятичными, непрерывныя дроби, пропорціи ариметическія и кратныя; правила: тройное, смѣшенія и цѣпное, о процентахъ и извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней. По русскому языку — этимологія, синтаксисъ и орфографія по Востокову, басни Крылова. Для домашняго чтенія ученики брали изъ общей бібліотеки Исторію Карамзина, сочиненія Жуковскаго, Козлова, Кольцова, Пушкина, Гоголя, Хрестоматію Галахова, Паульсона, стихотворенія Лермонтова, Записки охотника Тургенева, Барона Бранбеуса, Марлинскаго, нѣкоторые романы Дюма — отца. Еженя Сю и что-то еще.

За внѣклассными поступками учащихся имѣли наблюденіе не только учителя, но и избранные старшіе ученики. Такихъ довѣренныхъ было нѣсколько человѣкъ въ первомъ классѣ и два или три во второмъ; они должны были присматривать за учениками внѣ класса вездѣ гдѣ-бы то ни было: по выходѣ изъ класса, по дорогѣ въ классъ, даже во время уличныхъ игръ. Эти наблюдатели, на мѣстномъ языкѣ называемые казаками, заносили результаты надзора въ особый журналъ, который именовался „журналъ шалящихъ“, а короче „шалящимъ“. Попасть въ „шалящій“, это значило навѣрняка подвергнуться поркѣ, а поэтому принимались всѣ мѣры предосторожностей, чтобъ избѣжать зоркихъ казачьихъ глазъ, что однако-же трудно достигалось и „шалящій“, просматриваемый старшимъ учителемъ по большей части по субботамъ, всегда давалъ достаточный матеріалъ для экзекуціи. Не одни доносы „казачьихъ“ и шалящій журналъ служили поводомъ къ наказанію розгами; малоуспѣвающихъ учениковъ иногда то-же подвергали той-же мѣрѣ взысканія. А кромѣ того нерѣдко приносили на учениковъ жалобы и ихъ родители, родственники и даже постороннія лица, такъ или иначе потерпѣвшіе отъ ученическихъ шалостей. Учителя близко принимали къ сердцу всѣ такія жалобы, разбирали ихъ и давали удовлетвореніе по мѣрѣ силъ и возможности. Изъ многихъ случаевъ, не могу обойти молчаніемъ два болѣе или менѣе выдающихся, ха-

рактизирующихъ тогдашній училищный режимъ и, быть можетъ, имѣющихъ прямую связь даже съ системой преподаванія.

Одинъ изъ учениковъ 3-го стола Виссаріонъ Солонининъ, сынъ вдовы почталюна, носилъ сюртучекъ съ большими посеребренными пуговицами, на которыхъ были вытиснены орлы. Но слѣдуетъ предварительно сказать нѣсколько словъ о душевномъ состояніи въ какомъ находилось тогда все общество, все что способно было сколько-нибудь мыслить и сознать. Дѣло было въ 1854 году, кажется, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Настроеніе военнаго времени отражалось и на школѣ, во-первыхъ разными слухами съ театра дѣйствій, во-вторыхъ введенными въ этомъ году маршировками. Передвиженіе войскъ регулярныхъ, а затѣмъ ратниковъ то же не могло не оказать на дѣтскій умъ своего вліянія. Благодаря всему этому въ играхъ преобладалъ воинственный духъ. Мальчики въ 8—12 лѣтъ страшно увлекались военными упражненіями и почти каждый день изображали войны. Для этого требовались генералы, офицеры, унтера, рядовые и съ тѣмъ вмѣстѣ и знаки отличія—медали, кресты, ордена. Послѣдніе дѣлались изъ картона и раскрашивались. Но кто-то обратилъ вниманіе на свѣтлыя пуговицы Вистальонки, какъ называли по школьному Солонинина. Вскорѣ одна изъ его пуговиць подверглась анализу и къ великому удивленію и радости оказалось, что пуговица состоитъ изъ множества мелкихъ металлическихъ кружковъ изъ которыхъ на многихъ тисненіе оставило слѣдъ верхняго орла, и стало быть изъ этихъ кружковъ всякій могъ служить медалью. Такъ или иначе, но въ самый день этого открытія Солонининъ возвратился изъ училища домой безъ пуговиць. За то въ этотъ вечеръ, военное ученіе у школьниковъ было *заправдеиное*; многіе изъ отличившихся получили медали и раздача была довольно щедрая.

На другой день, во время занятій въ полукружійхъ, вдругъ разнесся по классу зловѣщій шепотъ: „Солониниха пришла... Вистальонкова мать“!...

Дѣйствительно это была Вистальонкова мать; она направилась къ учительской конторкѣ и въ классѣ воцарилось гробовое молчаніе. Строгий окликъ учителя „заниматься своимъ дѣломъ“—не надолго возвратилъ классъ къ занятіямъ, а затѣмъ опять наступила тишина. Многимъ, близко заинтересованнымъ въ дѣлѣ, стало дурно. Многіе стали поднимать правую руку, что обозначало просьбу о позволеніи выйти, но не тутъ то было. Учитель то и дѣло выкрикивалъ „шолъ на мѣсто“. Солониниха упомянула нѣсколько фамилій, въ первую голову старшаго 3-го стола.

Къ судейскому совѣту присоединился учитель 2-го класса и рѣшеніе не заставило себя долго ждать.

„Дежурный, розги“! Рѣзко раздалось съ высоты конторки. Воздухъ въ классѣ сталъ быстро портиться. Ужасъ объялъ всѣхъ и правыхъ и виноватыхъ, въ особенности, когда сторожъ внесъ въ комнату цѣлую охапку розгъ.

„Мельниковъ Димитрій“! сталъ выкликать учитель. „Скорининъ Иванъ, Скорининъ Николай, Ермаковъ Дементій, Ильиныхъ Степанъ“. Затѣмъ къ этому списку присоединены были всѣ медалисты и всѣ такъ или иначе отличившіеся на полѣ вчерашней брани. Мельниковъ Димитрій довольно таки часто подпадалъ подъ „вицу“ и даже до нѣкоторой степени освоился съ ней. Онъ увѣрялъ, что боли совсѣмъ не слышишь, если въ то время, какъ дерутъ, пѣть молитву, что онъ всякій разъ и дѣлалъ. „Отче нашъ“! закричалъ Мельниковъ, когда розга взвилась въ воздухѣ и съ какимъ то особымъ свистящимъ звукомъ ударила его по голому тѣлу. Одной молитвы не хватило, Мельниковъ немного не допѣлъ ее и во второй разъ, когда учитель сказалъ „ну, довольно“! Мельниковъ, поправляя свой туалетъ поклонился въ ноги учителю со словами „спасибо, батюшко, Захаръ Васильевичъ, не худу учите“. Эту благодарность Мельниковъ приносилъ тоже всякій разъ послѣ наказанія; было это въ порядкѣ вещей и никто этому не удивлялся, даже находились подражатели.

За Мельниковымъ слѣдовалъ Скорининъ Иванъ. Онъ тоже пробовалъ запѣть „Отче нашъ“, но вскорѣ слова стали расплываться и онъ перешелъ на обычный малодушный ревъ. Человѣкъ до 30 понали въ эту исторію и никому пощады не было. Второй случай, когда подверглось наказанію еще большее число лицъ, былъ такого рода. На масляницѣ обыкновенно устраивалась на пруду громадная катушка, такъ что раскатъ, т. е. наклонная плоскость достигала сажень 25 и болѣе. При этомъ существовалъ такой обычай: катаніе открывалось въ среду на маслянской недѣлѣ послѣ 11 часовъ дня. Бывало, всѣ конторскіе служащіе во главѣ съ управляющимъ для начала катанья скатываются на специально приготовленномъ для этого случая лубкѣ, а ужъ послѣ этого начинаютъ кататься и всѣ прочіе. До этого же момента катушка, хотя бы и была совсѣмъ готова, остается загражденной. Запоръ состоялъ въ томъ, что поперекъ катушки въ половинѣ раската клались на борга жерди и тѣмъ самымъ перегораживали дорогу. Однако же жерди эти, опирающіеся на борга, оставляли большую щель, такъ что скатываясь съ голована, можно

прошмыгнуть въ эту щель, если растянута на саняхъ, откинувшись назадъ. Не смотря на строгое запрещеніе кататься на катушкѣ, пока она официально не открыта, школьники все таки катались, растягиваясь у загражденія влежку или подкувыркиваясь подъ него, на что требовалось при скорости ѣзды, весьма много ловкости. Малѣйшая неосторожность могла повлечь за собой роковыя послѣдствія. Скатиться безъ санокъ на собственной спинѣ еще такой опасностью не угрожало, но находились смѣльчаки, которые ухитрялись сѣзжать именно на саняхъ. Между послѣдними былъ сынъ законоучителя — Троицкій Сергѣй. Онъ многократно продѣлалъ свой опасный полетъ, и наконецъ поплатился за свою смѣлость. Зазѣвавшись, онъ запоздалъ наклониться и наѣхалъ на жердь головой. Кровь брызнула на катушку и Троицкаго привезли домой въ безсознательномъ состояніи. Онъ однако же ожилъ и даже вскорѣ выздоровѣлъ. Но порка была генеральная.

Л. Е. Воеводинъ.

Уральскія горнозаводскія училища.

(По личнымъ воспоминаніямъ и архивнымъ справкамъ).

Горное вѣдомство имѣло *) на своихъ Уральскихъ казенныхъ горныхъ заводахъ собственныя школы и училища подъ наименованіемъ „заводскихъ школъ“, „окружныхъ училищъ“ и „уральскаго горнаго училища“. Заводскія школы, основанныя, на примѣръ, въ Златоустовскомъ округѣ съ 1823 года, были учреждены въ каждомъ заводѣ; окружное училище въ Златоустовскомъ заводѣ, одно на округъ, состоящей изъ пяти заводовъ, основанное, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ 1848 году. Уральское горное училище, одно на весь Уралъ, находится въ г. Екатеринбургѣ. Всѣ они съ четырехъ-лѣтнимъ курсомъ — составляли низшія учебныя заведенія. Въ 1879 году заводскія школы и окружное училище передавы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, а „уральское горное училище“ и теперь остается принадлежащимъ горному вѣдомству. Такъ какъ заводскія школы и окружное училище Златоустовскаго округа, съ передачею ихъ въ министерства народнаго просвѣщенія, переименованы: первыя въ двухклассныя начальныя училища, а окружное — въ городское училище, то школы стараго типа въ настоящее время составляютъ уже предметъ исторіи. Авторъ настоящей статьи прошолъ курсъ заводской школы и окруж-

*) Докладъ, читан. въ засѣданіи Перм. Уч. Архивн. Ком. 24 февр. 1904.

наго училища (1860—1868 г.г.). Признавалъ за сими учебными заведеніями историческое прошлое, авторъ, пользуясь личными воспоминаніями и архивомъ главной конторы Златоустовскихъ заводовъ, поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать описаніе обученія въ нихъ заводскаго юношества *).

Въ заводскую школу поступали дѣти (отъ 7 лѣтъ) чиновниковъ, горныхъ урядниковъ и мастеровыхъ. Въ старшемъ II классѣ преподавалъ учитель и законоучитель, въ младшемъ I — два помощника учителя и законоучитель. Въ первомъ учили: молитвы, чтенію, письму и начало ариометики. Во второмъ: краткую ветхую и новую исторію, краткій катехизисъ, ариометику (4 дѣйствія), чистописанію и поверхностное знакомство съ минералогіею (исключительно названіе камней). Въ первомъ классѣ была система взаимнаго обученія, такъ называемая *Ланкастерская* система. Опишу это ученіе такъ, какъ меня самого учили.

Въ школу ученики шли въ 7 часовъ утра. Въ 8 часовъ старшій ученикъ вставалъ около стола помощника учителя, рядомъ съ которымъ ставилась на высокой подставкѣ таблица, съ надписью названія урока: „чтеніе“ „письмо“ и т. д. Ученикъ командовалъ своей маленькой арміи „смирно“... „вставай“... „на молитву“... Всѣ школьники пѣли „Проблагій Господи“.

Если на очереди „письмо“, то старшій ученикъ каждой парты раздавалъ школьникамъ письменныя принадлежности. Первая парта писала на „пескѣ“, вторая на грифельныхъ доскахъ, третья и четвертая разведеннымъ мѣломъ на черныхъ лакированныхъ доскахъ, разграфленныхъ въ косыя клѣтки; пятая и шестая на бумагѣ чернилами. А потому каждой скамейкѣ выдавались соотвѣтственные предметы, — первой деревянныя заостренныя палочки, слѣдующей графельныя доски и грифеля, а послѣднимъ гусяныя очищенныя перья, доски и бумага. Устройство первой парты было особое: доска ея была узкая, горизонтальная, обложенная по краямъ верха карнизикомъ, на концахъ парты ящики съ мелкимъ просѣяннымъ пескомъ. Остальныя парты обыкновенныя наклонныя; на 3-й и 4-й слѣдующихъ партахъ вдѣланы чернильницы съ разведеннымъ мѣломъ, а на дальнѣйшихъ онѣ наполнялись чернилами. Старшій ученикъ первой парты высыпалъ изъ ящиковъ на столъ мелкій просѣянный песокъ и дощечкой съ двумя бороздками проводилъ по песку, получалась гладкая съ бороздками поверхность; для каждаго ученика старшій отчерчивалъ на пескѣ мѣсто.

*) Докладъ, прочит. въ засѣд. Перм. Уч. Архивн. Ком. 24 февр. 1904.

Тогда школьники писали деревянными палочками, сначала косья черточка, потом попки, послѣ буквы. Когда ученики написали, старшій осматривалъ письмо; если кто написалъ некрасиво, то давалъ щелчокъ въ лобъ, либо дергалъ за ухо. Послѣ того проводилъ дощечкой по столу, несокъ сглаживался и опять продолжалось „письмо“. — На слѣдующихъ партяхъ писали съ „прописей“. Старшіе ученики и сами писавшіе, обходили парты, осматривали письмо, дѣлали щелчки, уходерганіе. Когда парта писала дѣски и бумагу, ученики гуськомъ шли къ учителю, возсѣдавшему на столѣ, установленномъ на возвышеніи; на столѣ лежала оханка гусиныхъ перьевъ, чипимыхъ учителемъ для учениковъ. Осмотрѣвъ письмо каждаго ученика, учитель дѣлалъ указанія для исправленія некрасиво написаннаго, и раздавалъ новыя перья. Неисправимыхъ въ „чистописаніи“ послѣ урока сѣкли розгами. — Послѣ большой перемѣны, начинавшейся съ 10 час., шелъ урокъ „чтенія“. Старшій ученикъ снова вставалъ у стола учителя, гдѣ уже на высокой подставкѣ красовалась табличка съ надписью: „чтеніе“. Онъ зычно командовалъ: „смирно!“ „вставай!“ „на право кругомъ — маршъ“. И всѣ ученики гуськомъ, выходя изъ за партъ, выстраивались въ линію около стѣны... Въ стѣнахъ были вдѣланы желѣзные полукружья, укрѣпленные на болты; они имѣли подставки изъ желѣзнаго же прута. По командѣ, старшіе ученики каждой парты брали эти подставки (накинутыя въ верхней части на шпенецъ) и по командѣ разомъ ставили на полъ; по командѣ же школьники становились вокругъ полукружій и начиналось „чтеніе“. На стѣнѣ висѣли „таблицы“, съ напечатанными крупно буквами и словами. Буквы учила младшая парта. Слѣдующая — односложныя слова, далѣе многосложныя, а послѣднія читали по книгѣ. Старшій ученикъ каждаго полукружія бралъ желѣзную „указку“ и вода по таблицѣ выкрикивалъ „облако“, — его ученики (человѣкъ шесть) повторяли за нимъ слово — „облако“; затѣмъ слышалось соло старшаго „заревъ“, хоръ повторялъ „заревъ“; соло пѣлъ „финики“, хоръ подхватывалъ „финики“; соло выкрикивалъ „ягоды“, хоръ гремѣлъ „ягоды“. И это все нарастѣвъ: соло держалъ „до“, а хоръ повторялъ, значительно усиливая звуки, на тонъ ниже. Исполнилось все это непрерывно; не успѣвъ старшій окончить слово, какъ малыши подхватывали сказанное слово; не окончить хоръ, какъ соло уже тянетъ слѣдующее слово. Можно себѣ представить какой концертъ шелъ у шести полукружій, распѣвающихъ разносложныя слова включительно до „священноцерковнослужитель“, „Константинополь“, „Навохудоносоръ“,

и т. д. Отъ „полукружій“ ученики уходили на парты по командѣ старшаго ученика. — Во второмъ классѣ шло ученіе уже по другому: чтеніе съ разказомъ, ариметика и законъ божій заучивались наизусть, въ долбязку. Урокъ кончался молитвою на мѣстахъ: „Благодаримъ Тебѣ, Создателю“ и затѣмъ ученики по командѣ уходили домой, строясь у школы попарно. Малыши шли впереди, въ арьергардѣ шествіе замыкали учителя. Дойдя до дома Управителя завода, ученики снимали шапки, все равно хотя бы его и дома не было, а въ окно смотрѣлъ лакей, либо кошка.

Розги были въ весьма большомъ употребленіи. Утромъ, послѣ молитвы, старшій ученикъ подавалъ учителю „записку“ со школьниками, замѣченными имъ въ шалостяхъ за вчерашній день, послѣ ученія, на улицѣ. По разбирая дѣла, давалось школярамъ 5—10 розогъ; объясненій никакихъ не полагалось, и „записка“ — это было безапелляціонное рѣшеніе старшаго ученика надъ своими сотоварищами. За незнаніе урока изъ ариметики ученикъ подвергался вторичной экзекуціи. Бывали такіе ученики, которые подвергались наказаніямъ по 3 раза въ день, ибо въ то время еще не знали наказанія „по совокупности“.

Лучшіе ученики заводскихъ училищъ переходили для продолженія ученія въ *Окружное училище*. Оно было въ Златоустовскомъ заводѣ. Здѣсь было два класса съ 4-хъ годичнымъ курсомъ. Преподавались тутъ: ветхій и новый завѣтъ и пространнѣй катехизисъ, русскій и нѣмецкій языки, теорія словесности и словесность, ариметика, алгебра, геометрія, рисованіе, черченіе, чистописаніе, русская исторія, минералогія, географія и латинскій языкъ, (для желавшихъ поступить въ заводскіе фельдшера). Ученики заводскихъ школъ получали въ мѣсяцъ жалованья 15 коп. и провіантъ (ржаной муки — 1 пудъ); „окружники“ — 25 коп. жалованья и 2 пуда муки. Права окружнаго училища были сравнены съ уѣздными училищами. Окружники носили казенную форменную одежду, состоящую изъ куртки, шароваръ, солдатской шинели и фуражки, пуговицы оловянныя.

По штатамъ 1847 года составъ учительскаго персонала и учениковъ съ содержаніемъ былъ опредѣленъ слѣдующій.

Въ *Окружномъ училищѣ*: Инспекторъ, изъ старшихъ горныхъ инженеровъ, (добавочнаго жалованья) — 100 руб.; смотритель, онъ-же и учитель главныхъ наукъ — 360 р.; законоучитель, (добавочнаго жалованья) 90 руб.; преподавателямъ черченія, рисованія и чистописанія (добавочнаго жалованья) — 180 руб.; надзиратель (изъ юристовъ 1-й ст.) — 72 р.;

библіотечарю и хранителю музеума (добавочнаго жалованья)—60 руб.; 60 ученикамъ на учебныя пособія каждому по 1 р. 50 к.—90 р., на обмундировку по 4 руб.—240 и р. на приваръ по 3 р.—180 р.; на умноженіе бібліотеки и музеума—200 р. и на отопленіе училищнаго дома—30 р.; на школы воскресныя и вообще на усиленіе средствъ обученія—500 р.

Въ женской школѣ (имѣлась только въ Златоустовскомъ заводѣ): 1 учительницѣ жалованья 120 р. въ годъ; ея помощницѣ 60 р.; на учебныя пособія 60 р.; на отопленіе дома 30 р.

Заводскихъ школъ было положено: въ Златоустовскомъ заводѣ—2, Міасскомъ—2, Саткинскомъ, Куусинскомъ и Артинскомъ по 1; всего въ округѣ—7 школъ. Полагалось: законоучителей: въ Златоустовскомъ и Міасскомъ по 2, въ остальныхъ заводахъ по 1, (въ округѣ—7) съ добавочнымъ жалованьемъ по 30 руб. въ годъ, а всѣмъ—210 руб.; учителей (назначались изъ горныхъ урядниковъ 1-й ст.)—7; съ жалованьемъ по 72 р. въ годъ, а всѣмъ 504 р. Помощниковъ учителей (изъ урядниковъ 3-й статьи) на округъ—14, съ жалованіемъ по 36 р. въ годъ, а всѣмъ 504 руб. Учениковъ было положено въ каждую школу по 150, кромѣ Міасскаго завода, гдѣ опредѣлялось по 100, а всего на округъ—950 учениковъ; по 2 руб. каждому на жалованье и учебныя пособія, а всѣмъ 1900 руб. На отопленіе назначалось по 30 руб. на школу, кромѣ Міасскихъ, гдѣ отпускалось по 20 р., а на всѣ—190 руб. Такимъ образомъ 7 заводскихъ школъ казѣ обходились въ 3308 руб. Къ этому штатному росписанію нужно прибавить обмундировочныя для учителей и ихъ помощниковъ по 9 рублей въ годъ, всѣмъ же 63 руб., и провіантъ (пайки) ржаною мукою учителямъ, ихъ помощникамъ съ семействами (самимъ и женамъ по 24 пуда и малолѣтнимъ дѣтямъ по 12 пудовъ въ годъ), и ученикамъ каждому по 12 пудовъ въ годъ, (послѣднимъ всего 11400 пудовъ).

Содержаніе окружнаго училища и 7 школъ, съ 1010 учениками, не считая провіанта и обмундировочныхъ учителямъ, обходилось въ 5410 руб. въ годъ, и особо женская школа, съ неопредѣленнымъ числомъ ученицъ, въ 270 руб. Всего же отпускалось по 5680 руб. въ годъ.

Пользуясь дѣломъ (№ 58 ч. 2, 1861 г., стр. 474, архива главной конторы), привожу слѣдующее свѣдѣніе, касающееся содержанія учениковъ.

Такъ, авторъ настоящаго очерка значится школьникомъ Куусинскаго завода и за время съ 1-го іюня 1861 г. по 1-е іюля 1862 г. имъ получено: жалованья 1 р. 95 к., провіанта (ржаною мукою) 13 пуд. на сумму 3 р. 90 к., т. е. онъ казѣ обошелся за 13 мѣсяцевъ въ 5 р. 85 к.

или по 45 к. въ мѣсяць—(15 коп. жалованья и 1 пудъ муки на 30 к.). По всѣмъ пяти заводамъ учащихся школьникомъ было 338 чел., имъ выдано жалованья 328 р. 15½ к. и провіанта 2121 пудъ 20 фун. на 636 р. 45 к., а всего 964 р. 60½ к.

По положенію 8 марта 1861 г. горнозаводское населеніе было освобождено отъ „обязательнаго труда“, (равнявшагося условіямъ „военныхъ поселеній“, ибо всѣ заводскіе служащіе и рабочіе считались „нижними воинскими чинами“). Немедленно за этимъ инспектору заводскихъ школъ, подполковнику Карнову пришлось донести горному начальнику, что смотритель окружнаго училища рапортовалъ ему отъ 28 марта, что, по случаю полученія нынѣ положенія 8 марта, нѣкоторые ученики окружнаго училища получили отъ своихъ родителей письма, которыми приказывается имъ оставить училище и ѣхать домой, а одинъ изъ горныхъ начальниковъ, вошелъ съ представленіемъ о закрытіи окружнаго училища и женской школы. Главный начальникъ горныхъ заводовъ, генер.-майоръ Фелькнеръ I, призналъ однако упраздненіе учебныхъ заведеній несообразнымъ съ видами правительства, не допускалъ уменьшить число учащихся и даже распорядился всѣмъ заводскимъ школьникамъ выдавать попрежнему и жалованье, и пайки. Однако въ журнальномъ постановленіи 3 и 4 іюля 1861 г. за № 187 С.-Петербургская комиссія по пересмотру горнаго устава сдѣлала заключеніе, что дѣти рабочихъ, уволенныхъ за выслугу 20 и 15 лѣтъ, не имѣютъ права на полученіе содержанія отъ заводовъ, какъ люди свободные отъ всѣхъ заводскихъ отношеній. Главная контора, на основаніи разрѣшенія главнаго начальника, таковымъ уволеннымъ отъ обязательнаго труда школьникамъ выдала все-же жалованья и провіанта на 964 руб. 60½ коп. и, по полученіи журнала Комиссіи, какъ-бы въ развитіе основанія выдачи содержанія школьникамъ, приводила въ своемъ опредѣленіи за 3 Сентября 1862 г. слѣдующіе мотивы: „Распоряженіе главнаго начальника послужило къ привлеченію отцовъ оставить дѣтей своихъ въ училищахъ, на что многіе изъ нихъ не соглашались съ прекращеніемъ на нихъ содержанія; въ особенности мѣру эту требовалось предпринять въ прошедшемъ году, при первомъ увольненіи мастеровыхъ, когда они рѣшались взять дѣтей не только изъ заводскихъ школъ, но изъ окружнаго училища, гдѣ ихъ дѣти состояли на выпускѣ; при сихъ обстоятельствахъ легко могло случиться, что заводскія училища остались бы съ малымъ числомъ учениковъ, при каковомъ составѣ сихъ учреждений потребовалось

бы сдѣлать измѣненіе, а окружное училище даже закрыть, въ которомъ находились исключительно дѣти «обязательныхъ людей»⁴.

Лучшіе изъ окончившихъ курсъ поступали въ *Уральское горное училище*, въ Лисинское лѣсное училище, въ горную техническую школу при С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ и нѣкоторые мои соученики выпуска 1868 г. поступили прямо въ технологическій институтъ. Есть теперь изъ бывшихъ заводскихъ школьникоу инженеры, лѣспичіе, офицеры.

Таковы-то были горнозаводскія училища! Но они въ концѣ ноября 1879 года прошлаго столѣтія переданы изъ горнаго вѣдомства въ Министерство народнаго просвѣщенія и чрезъ 8 лѣтъ (27 ноября 1887 г.) въ Златоустѣ даже переименованы въ городское училище, съ другою программю. Въ церковной лѣтписи Златоустовскаго собора читаемъ слѣдующее: „При открытіи городского училища было довольно много посѣтителей всѣхъ сословій, но кажется немногіе выразили полное сочувствіе новому училищу. Главное, почему многіе недовольны открытіемъ сего училища то, что ученикамъ старшаго класса окружнаго училища, которые бы черезъ годъ могли окончить курсъ онаго, довелось оставаться еще на два года, а между тѣмъ пользы ни въ какомъ отношеніи не должно быть. Рѣчи преподавателей послужили больше такъ же къ негодованію и къ неудовольствію публики“.

По моему мнѣнію, горнозаводскому населенію жалко было ра ставаться съ окружнымъ училищемъ, принаровленнымъ для *заводской* службы самою программю, уже зарекомендовавшимъ себя съ полезной стороны и давшимъ большой контингентъ полезныхъ дѣятелей на заводскія службы.

В. Е. Бокровъ.

Г. Златоустъ.
2 Сентября 1903 г.

„Коммиссія по разбору архивныхъ дѣлъ Пермской духовной консисторіи“.

(Памятная записка ея члена).

Въ 1869 году на имя Пермскаго преосвященнаго послѣдовалъ Синодскій указъ (отъ 19 янв. того года), которымъ предлагалось ему образовать Коммиссію для разбора архивныхъ дѣлъ Пермской консисторіи. Былъ ли этотъ указъ послѣдствіемъ какого либо ходатайства мѣстной консисторіи объ освобожденіи ея архива отъ храненія ненужныхъ для ея производствъ дѣлъ, бесполезно загромождавшихъ архивъ, или то былъ общій циркуляръ епархіальнымъ архіереямъ, имѣвшій въ виду лишь выборку изъ консисторскихъ дѣлъ того, что имѣя мѣстный историческій интересъ, подлежало бы сохраненію и заслуживало бы огласки путемъ печати, я непомню. Судя по тому, что я потомъ писалъ, открывая въ Пермск. епархіальн. вѣдомостяхъ рядъ статей „матеріалы для исторіи Пермской епархіи“ (1870 г. отд. неоф. стр. 350), задачу коммисіи я понималъ лишь какъ простой пересмотръ архивныхъ дѣлъ съ выборкой изъ нихъ того, что представляло бы историческій интересъ, и изложеніе представляющаго таковой интересъ на страницахъ Епарх. вѣдомостей. Вѣроятно, что и Синодскій указъ задачей коммисіи не ставилъ ничего другого, какогонибудь напр. разграниченія между ними, — что оставить на храненіе, какія и править къ изытію изъ архива и уничтоженію.

Я былъ тогда учителемъ здѣшней семинаріи. Семинарское начальство передало мнѣ словесный запросъ Преосвященнаго, не пожелаю ли я итти въ этой коммисіи. Я изъявилъ согласіе, и, какъ записано въ моемъ послужномъ спискѣ, съ 30 марта 1870 г. сталъ членомъ этой коммисіи.

Прибывъ, по случаю этого назначенія въ консисторію, я тутъ узналъ, что въ составъ коммисіи назначены еще со мною два члена: отъ епархіальнаго духовенства священникъ Петропавловскаго собора Василій Петровичъ Удильцевъ, и изъ чиновниковъ самой консисторіи — ея архивариусъ Степанъ Ивановичъ Поповъ (того и другого уже нѣтъ въ живыхъ). На мою просьбу